

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Монах

Непреклонный

Мэтт Бернс

На сильном ветру ломается то дерево, что гнется.

Зота никак не мог заглушить в памяти слова, что сказал ему на прощание Акиев. Последние несколько недель они преследовали его на каждом шагу. Днем голос учителя звучал в голове Зоты подобно тихому шепоту; когда же наступала ночь, этот шепот превращался в раскаты грома.

И этот вечер ничем не отличался от прочих. Зота знал, что его ждет очередное испытание.

Поднялся ветер, его завывания разносились над Горгоррой, словно ледяное дыхание умирающего бога. Холод проникал сквозь зеленые, белые и синие одежды монаха, пробирая до костей. Зота был хорошо знаком с горными штормами, которые были частыми гостями монастыря Плывающего Неба, и стоически переносил их, но этот ветер был совсем иным. В его вое слышалась настойчивость, наполнявшая монаха беспокойством, – как если бы лесных богов охватил страх.

Зота мерил шагами границу лагеря, постукивая своим посохом по покрытой лишайником земле. Вокруг поляны, где он остановился на ночь, возвышались мшистые сосны, березы и очень старый дуб. Его огромные корявые ветви простирались над лагерем, будто защищая клочок земли под собой.

Возле костра, завернувшись в рваные шерстяные одеяла, спало двое мужчин. Зота надеялся провести ночь в одиночестве, но беженцы, появившиеся в лагере вскоре после заката, нарушили его планы. Он хотел бы отказать им в месте у костра, но учитель когда-то напрочь запретил ему прогонять путников.

«Встречай их с распростертыми объятиями, но сердце свое держи на замке, – поучал его Акиев. – Внимательно наблюдай за ними, ибо если их коснулась порча богов хаоса, она сделает все, чтобы скрыться от твоего взора».

Зота послушался и тщательно следил за незнакомцами. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что порча их не тронула. Эти двое изможденных мужчин с усталыми глазами были единственными выжившими после нападения свирепых хазра на их деревню. Омерзительные козлоногие создания застали поселение беженцев врасплох, вмиг превратив его в пепелище.

Путники были родом из области Горгорры, у которой были религиозные и культурные связи с Ивгородом, и сейчас они двигались на север, надеясь оказаться в безопасности за стенами города. Несмотря на все ужасы, которые им пришлось пережить, отец и сын были исполнены надежд и полагали, что встреча с Зотой – доказательство того, что бог судьбы улыбается им. Они говорили о жизни, что ожидает их за стенами Ивгорода, монах же чувствовал себя жестоким, понимая, что эти двое, скорее всего, погибнут, не добравшись до города.

Готовясь ко сну, беженцы предложили Зоте остатки своих припасов в знак благодарности за то, что он разрешил им остаться у костра. Прежде чем отвергнуть этот дар, Зота вежливо изобразил желание принять его. На самом деле ему не хотелось иметь с беженцами ничего общего. Он научился не сближаться с теми, кого он встречал в Горгорре, так как не хотел, чтобы кто-либо стал помехой на его пути.

– Тогда мы воздадим богам дань в двойном размере, – мягко ответил отец. – Их милость привела нас к тебе, святой человек. В Горгорре нельзя доверять тому, что видишь...

Нет, хотел ответить ему Зота. В Горгорре нельзя доверять даже мне.

Впрочем, слова эти были справедливы по крайней мере в отношении окружавшего их леса. Зота вырос на рассказах о древних лесах Горгорры к югу от Ивгорода. Даже самые молодые деревья в них уже были стары на момент основания монашеского ордена. Ему всегда говорили, что именно здесь, в лесах, равновесие между тысячей и одним богом порядка и хаоса было непреложным, неизменным, вечным. И сейчас он размышлял о том, что сказали бы старшие монахи, если бы увидели, во что нынче превратились эти места.

Зота продолжил обход лагеря, повторяя мантру, что открывала его разум темноте окружающего леса, где его глаза уже ничего не видели. Он чувствовал, как там, во тьме, шевелилось нечто, обнаруженное им некоторое время назад. Медленно, но верно это нечто с каждым часом набирало силу и, казалось, приближалось к лагерю. Кожу Зоты покалывало от ощущения сотен вперившихся в него глаз невидимых наблюдателей, разглядывающих его со всех сторон. И что было хуже всего, ни один из лесных богов порядка не ответил на его молитву с просьбой указать источник этой враждебной силы. Боги были безразличны, безучастны... и не заслуживали доверия.

Странное отчуждение богов началось несколько недель назад, когда небесный огонь пронзил темноту над Ивгородом и упал где-то на юге королевства. После этого события боги хаоса и их демонические порождения заполнили леса, а разбойники и бандиты начали безнаказанно грабить обособленные деревушки Горгорры. Появление кометы объясняли десятками разных причин, ей давали множество имен, но все сходились в одном: комета – плохой знак и предвещает тяжелые времена. В горных лесах, на многие лиги распростершихся вокруг Зоты, тень этой кометы пролегла особенно глубоко. Впрочем, в обязанности Зоты не входило выяснять, что на самом деле означало падение кометы. Орден уже отправил одного из лучших монахов, которого Зота искренне уважал, изучить и расследовать все обстоятельства, связанные с небесным огнем.

Чем темнее становилось вокруг, тем большее беспокойство ощущал Зота. Прятавшаяся в лесах нечисть, казалось, играла с ним. Он провел пальцами по многочисленным знакам и словам, вырезанным на своем посохе. Символы змеились по дереву, покрывая оружие замысловатым узором; каждый из них служил напоминанием об усвоенных когда-то уроках. Зота повторял вырезанные на посохе слова в надежде обрести ясность и решимость. Но в памяти его вставали воспоминания об ошибках и неудачах, что преследовали его во время учебы у Акиева.

Он продолжал повторять уроки себе под нос, когда ветер внезапно стих до едва слышного шепота.

Где-то вдалеке раздался резкий треск наподобие того, что издает сухое бревно в костре; затем треск повторился – вновь и вновь. Поначалу эти странные звуки были редки и едва различимы, но их частота и громкость быстро нарастала, и теперь они уже раздавались со всех сторон. Звуки слились в оглушающий гул стучащих веток и трескающейся древесины, и Зота напряг глаза, вглядываясь в темноту. Он увидел, как ряды деревьев совсем рядом с полянкой задрожали, а

затем внезапно взорвались, рассыпаясь в хворост. Эти взрывы волнами приближались к нему и спавшим у костра беженцам.

На самом краю лагеря взрывы прекратились. В лесу воцарилась мертвая тишина.

Старик и его сын, сонно спотыкаясь, выбрались из-под одеял.

– Что случилось? – спросил отец.

Зота молча поднял руку, призывая к тишине. Он прокрался вперед, поближе к клубившейся впереди тьме – бездне, в которой не было признаков ни движения, ни формы. Теперь он четко ощущал в ней присутствие прислужников богов хаоса. Хоть Зота и не мог их увидеть, они были настолько близко, что казалось, протяни руку и коснешься их. Они были вокруг него. Везде. В почве. В воздухе. В деревьях.

Внутри деревьев.

В тот самый момент, когда он понял это, земля под ногами Зоты вздыбилась. Корни деревьев взмыли вверх, взорвавшись водопадом влажной земли и подбросив монаха в воздух. Упав, он перекатился на колени с другой стороны лагеря.

Деревья вокруг него раскачивались, вытягивая ветви; они скрипели и стонали, чем-то напоминая гигантов, пробуждающихся после тысячелетнего сна. Он увидел отблески тусклого света костра на бесчисленных корнях, высунувшихся из-под земли и вслепую хлеставших вокруг в поисках Зоты и беженцев.

– Держитесь возле огня! – рявкнул Зота.

Отец и сын, торопливо выхватив из костра по полену, принялись размахивать этими импровизированными факелами перед корнями, уже достигшими середины лагеря. Зота ринулся к возвышавшейся поблизости сосне, одновременно отбиваясь от корней, пытавшихся ухватить его за ноги. Он нанес дереву несколько молниеносных ударов посохом, а затем ударил по стволу раскрытой ладонью. По древесине вокруг его руки побежали трещины, спиралью поднимаясь вверх по сосне. Он отпрыгнул назад; ствол сосны взорвался дождем щепок, а верхняя часть дерева повалилась на соседнюю березу.

Зота, однако, не ощутил смерти демона, управлявшего деревом. Нечисть, похоже, лишь слегка ослабела. Он открыл свой разум окружающим лагерь деревьям: да, все они были тронуты порчей, но каждое из них оказалось не более чем марионеткой, управляемой одним-единственным существом.

Зота перевел взгляд на древний дуб, который оставался неподвижным и безжизненным, и внезапно ощутил в его избитом непогодами стволе присутствие демона, подчинявшего себе окружающий дерево лес.

В ответ на открытие Зоты ствол дуба разверзся и теперь напоминал зияющую пасть, отороченную мхом. Жуткий вопль демона пронзил ночь, и монах ощутил, что даже у него самого ослабели колени. Беженцы повалились на землю, крича в агонии и пытаясь закрыть уши.

Деревья, окружавшие дуб, замерли – демон вливал всю свою мощь в дуб. Ветви его, нависавшие над лагерем, устремились к Зоте десятками зазубренных копий. Монах прыгнул в сторону и прочертил посохом широкую дугу, послав навстречу шишковатым ветвям невидимое лезвие из чистого воздуха.

Дуб завизжал от ярости и вновь набросился на своего противника, размахивая оставшимися ветвями. Зота прыгнул, перекувырнувшись в воздухе над хлеставшими воздух ветвями, и приземлился у самого основания дуба. Страшным ударом он вогнал посох в пасть дерева и сконцентрировал разум на одной-единственной точке на самом конце своего оружия.

Когда из пасти дерева вырвался поток божественного пламени, по стволу дуба пробежала дрожь. Пламя уничтожило сердцевину дерева, обратив его в почерневший дымящийся остов.

– Святой человек! – из-за спины Зоты раздался крик отца.

Монах повернулся. Одна из веток дуба пронзила плечо младшего беженца, пригвоздив того к земле. Юноша был без сознания, но, тем не менее, жив.

– Простая рана. С твоей помощью он выживет, святой человек, – обратился к Зоте отец раненого, опустившийся на колени возле сына.

Да, хотел сказать Зота. Как и все монахи, он хорошо изучил искусство исцеления. Он осмотрел кожу юноши вокруг отрубленной ветви дуба. Кровь сохранила здоровый алый цвет, признаков порчи не было... пока не было.

Отец смотрел на Зоту снизу вверх, в глазах его читались надежда и ожидание. – Ты ведь можешь его исцелить?

Зота выдавил из себя пустые слова, что ему было приказано произносить в таких случаях. – На нем лежит порча. И пока я не уйду, эта порча будет от меня прятаться. Только тогда она проявит себя и захватит разум и тело твоего сына. Чтобы даровать ему покой, нам придется отдать его богам.

– Нет! – воскликнул потрясенный словами монаха старик. – Он победит ее. Он сильный. Я позабочусь о нем. Я клянусь перед тысячей и одним в том, что если в нем проявится порча, я убью его собственными руками. Он последний из моего рода...

Отец раненого юноши в отчаянии пытался обнять ноги Зоты своими дрожащими руками. Все это казалось монаху неправильным. Он должен был давать надежду, а не отнимать ее. На секунду он было задумался, а не уйти ли, но стоило этой мысли появиться, как перед ним встали непрошенные воспоминания об Акиеве.

Зота почти наяву увидел, как наставник стоит перед ним, со стыдом и отвращением оглядывая своего бывшего ученика. Прошли недели с тех пор, когда он последний раз видел Акиева. Это случилось после того, как Зота прошел обряды посвящения в монашество и на его лоб нанесли татуировку – кольца порядка и хаоса. На следующий день после того, как небо над Ивгородом рассек небесный огонь, учитель вызвал Зоту на открытую террасу монастыря. Горные ветра хлестали по окрашенным в тона земли поясам старшего монаха – коричневому, черному и

серому. Акиева иногда называли Непреклонным. Его сила и решимость были для Зоты образцом, но он боялся, что никогда не достигнет этого идеала.

– Те, кого коснулись порождения богов хаоса, должны быть преданы очищению. Не задавай вопросов. Не пытайся исцелить их раны. Мы должны сделать все, чтобы остановить распространение порчи, – сказал Акиев, передавая приказ, поступивший ему от девяти Патриархов – столпов веры и верховных правителей Ивгорода. Монахи, составляющие военизированное крыло церкви, приводили в исполнение приказы, которые издавали богоподобные вершители судеб королевства.

– Патриархи возлагают на тебя трудную задачу. Из тех заданий, которые поручают лишь самым преданным служителям ордена, – продолжал Непреклонный. Он на секунду остановил взгляд на Зоте; лоб его избороздили морщины. – Ты достиг звания монаха, но иногда я задумываюсь – а готов ли ты к этому? Иногда мне кажется, что ты все тот же глупый мальчишка, что когда-то впервые явился в монастырь. Больше звереныш, нежели человек... дикое существо, глаза которого застлала эмоция, интуиция и все остальные мимолетные чувства, что переменчивы, как ветер, и подвластны капризам и прихотям. Тот ли ты мальчик или же ты монах?

– Тот мальчик мертв, – ответил Зота.

– Так докажи это. И помни: на сильном ветру ломается то дерево, что гнется.

На следующий день Акиев уехал из монастыря, получив какое-то задание. Зота отправился в путь чуть позже, но слова учителя оставались с ним, постоянно напоминая о прошлых ошибках и неудачах.

Сейчас голос Акиева звучал громче, чем когда-либо; он раскатывался в ушах Зоты звоном стальных мечей. Его наполнила злость на посетившую его мысль: забыть о своем долге. Этого воспоминания было достаточно.

Долг важнее всего, сказал он себе. Слово Патриархов – слово богов. Кто я такой, чтобы усомниться в их методах? Я всего лишь их инструмент.

Священные правители Ивгорода были реинкарнациями тех девяти человек, что когда-то были избраны богами, дабы править страной. Четверо из них служили порядку, четверо – хаосу, и один оставался нейтральным. Их задачей было поддерживать равновесие. Иногда для этих целей на монахов возлагали сложные и тяжелые поручения, но такова уж природа этого мира. Все это было частью работы по поддержанию равенства между порядком и хаосом, чтобы ни у одной из этих двух сил не возникало преимущества над противостоящей стороной.

– Отойди, – приказал Зота. Старик не шелохнулся.

– Мой мальчик *ни разу* не обесчестил Патриархов! И это – его награда?.. – беженец отступил назад к огню и вытащил из сложенных там вещей тупой нож. С этим ножом он и кинулся на монаха.

Зота поймал запястье старика, выворачивая его, пока тот не выронил нож. Отец раненого вскрикнул от боли и упал на колени. – Он мой единственный сын, – всхлипывал старик.

Всякое желание бороться оставило его, и он без сил осел на землю, повалившись в грязь.

Зота медленно подошел к юноше, зачитывая про себя одну из древнейших клятв монашеского ордена. *Я иду между богами порядка и богами хаоса. Я исполняю волю и порядка, и хаоса, не становясь ни тем, ни другим. Я воин, что идет по грани. Пока я поддерживаю равновесие, я безгрешен.*

Безгрешен. Он беззвучно проговорил эти слова, положив ладонь на грудь юноши. Зота закрыл глаза и прошептал мантру, наполнив тело раненого священной энергией. Это был способ убийства из сострадания, которому монах научился у Акиева и который использовался, чтобы даровать мирную и безболезненную смерть тем, кто был смертельно ранен и кого нельзя было исцелить силами ордена.

Он чувствовал, как сердце юноши билось все медленнее и медленнее, пока наконец не остановилось. Затем Зота соорудил погребальный костер и очистил тело умершего в пламени.

К тому моменту, когда кости, обуглившись, почернели, сквозь стволы деревьев уже начал просачиваться свет зари. Зота отправился в путь в одиночестве, зная, что ему полагалось бы высоко поднять голову в знак успешно выполненного приказа Патриархов. Однако все, о чем он сейчас мог думать – безутешный старик, стоявший на коленях над останками своего сына и молившийся богам, что более не слушали его; отец, которого покидали последние остатки надежды.

Три дня спустя Зота наткнулся на остатки уничтоженного каравана.

Восемь трупов валялось на небольшой полянке, покрытой слоем сосновых иголок. Защищаясь от зловония, Зота натянул на нос кушак, обернутый вокруг груди, и открыл свой разум окружающей местности в поисках демонов. И не нашел ни одного.

На земле возле коренастого вьючного животного, рассеченного надвое аккурат между могучими плечами, валялось более двух десятков мешков с провизией. Для одного животного, даже такого выносливого, припасов в этих мешках было, мягко говоря, многовато. Возле дороги Зота наткнулся на три цепочки следов от копыт, уводивших в разные стороны.

Судя по трупам, с момента бойни прошло не более суток. Практически все жертвы были облачены в однообразные серые одеяния – обычную одежду обитателей Горгорры, однако валявшиеся вокруг многих из них мечи и топоры прекрасной работы совершенно не сочетались с этой простой одеждой.

Зота опустился на колени перед одним из мертвецов – отлично сложенным мужчиной с загрубевшими и покрытыми шрамами руками, выдававшими в нем воина. В ранах на его руках и груди копошились личинки. Похоже, перед смертью практически всех этих путников подвергли пыткам.

Один из трупов показался Зоте заслуживающим внимания. В центре лагеря, в яме, где разводили огонь, валялся труп обнаженной женщины; ее ноги покрывала обугленная корка. И, в отличие от

всех прочих жертв, у нее отсутствовала голова. Зота еще раз обыскал всю полянку. Головы здесь не было.

Вся эта резня была тщательно спланирована. Он понимал, что за этим что-то стоит, однако Патриархи отправили его в Горгорру не для того, чтобы он разгадывал загадки. Все, что от него требовалось, прежде чем покинуть это место – предать трупы очищению.

Зота заметил в яме нечто, наполовину скрытое под слоем пепла. Предмет, вызвавший его любопытство, оказался покрытой резными узорами деревянной флейтой с латунными шпильками. Детская игрушка. Когда он впервые пришел в монастырь, чтобы начать свои тренировки, у него была похожая флейта. Как в монашеском ордене, так и в Ивгороде вообще музыка всегда была в почете, однако Акиев не разделял любви к искусству, свойственной его товарищам. Когда он обнаружил эту флейту среди пожитков Зоты, он тут же сломал ее и выбросил вниз с утеса, соседствовавшего с монастырем Плывущего Неба.

Зота счистил сажу с найденного инструмента и поднес его к губам. В извлеченных им звуках не было ни гармонии, ни чистоты. Они были пусты и бессмысленны, как и вся его жизнь до того, как он вступил в монашеский орден. Он уже было собрался выбросить игрушку обратно в яму, но ощущение флейты в руках показалось ему странно ободряющим; он почувствовал, как на него нисходит спокойствие. Он засунул флейту в один из своих кушаков, сказав себе, что она станет напоминанием о том, каким слабым и невежественным мальчишкой он был когда-то давно.

Внезапно за пологом леса на краю полянки раздался шум.

Зота резко вскочил, обернувшись на звук. – Покажись!

На землю дождем посыпались сухие листья. Стоило Зоте углубиться в лесной сумрак, как с огромной березы поблизости сорвалась и бросилась в чащу леса невысокая фигурка.

Монах погнался за ней. На беглеце были те же серые одеяния, что и на мертвых путешественниках. Судя по всему, это был ребенок... и при этом весьма неуклюжий. На бегу он спотыкался о корни и ударялся плечами о стволы деревьев.

Наконец Зоте удалось повалить мальчишку на землю. Пойманный ребенок попытался вывернуться из его хватки и, не добившись успеха, начал всхлипывать. Когда Зота сдернул с него капюшон, его глазам предстало жуткое зрелище, от которого по спине пробежал холодок.

Мальчику было не более десяти. По земле рассыпались длинные, почти прозрачные волосы, обрамлявшие узкое лицо с резкими чертами. Кожа ребенка была цвета выгоревшей на солнце кости, глаза же...

Глаза мальчика были абсолютно белыми. И из них текли кровавые слезы.

За все дни, что прошли с тех пор, как Зота предал убитых путников очищению и продолжил свой путь, слепой ребенок не произнес ни слова, игнорируя все вопросы монаха о том, что же

произошло с караваном. Зота уже было решил, что мальчик не только слеп, но и нем, однако однажды ночью он услышал, как тот произнес «Мама...» во сне.

Ребенок несколько раз пытался бежать, и Зоте пришлось снять один из своих кушаков и, превратив его в некое подобие поводка, связать им руки мальчика. Решение взять мальчика с собой далось монаху нелегко. Один лишь взгляд на него вызывал у Зоты дурные предчувствия. Какое-то время он размышлял, не демон ли прячется под личиной ребенка, однако довольно быстро оставил эти мысли. *В Горгорре нельзя верить тому, что видишь.*

Конечно, мальчик выглядел весьма странно, но Зота не чувствовал в нем демонического присутствия. Казалось, паренек осознавал окружающее его пространство, как и все те, кто никогда не полагался на свои глаза. Однако он постоянно спотыкался на камнях, покрытых мхом, или выступавших из земли корнях, и это заставляло Зоту двигаться со скоростью улитки.

Впрочем, монаха куда больше беспокоило то, что выносливостью ребенок уступал даже умирающему псу. Он не мог пройти и полумили, не остановившись передохнуть. Заслышав вдали отзвуки пения птиц или криков диких зверей, мальчик, увлекаемый характерным для детей любопытством, сходил с тропы в поисках источника заинтересовавшего его звука. Зота подумывал оставить его, предоставив самому себе, но он все-таки надеялся узнать, что же случилось с караваном.

Ребенок, однако, упрямо хранил молчание, и Зота решил, что пора сыграть с ним в его же игру.

– Быстрее, дитя демонов, – дергал монах импровизированный поводок.

– Ступай внимательно, дитя демонов, – добавлял он, ведя паренька по нагромождению камней.

Он провоцировал мальчика весь день, наблюдая, как лицо того краснеет от ярости. Наконец, ребенок, рассердившись, резко дернул «поводок». – Я не демон!

– Итак, ты можешь говорить.

Мальчик съежился и опустил голову, признавая поражение.

– Назови свое имя. Я хочу помочь тебе.

– Врешь! Ты обманул меня. Ты сыграл не ту мелодию.

– Обманул тебя? Возможно, мне не стоило брать тебя с собой. Как думаешь, долго ли одинокий слепой мальчик протянет в Горгорре... – на этих словах Зота вспомнил о спрятанной им в кушаке флейте.

Он вытащил инструмент и протянул его ребенку. – Значит, это твое.

Нащупав в воздухе флейту, мальчик прижал ее к груди. Из его глаз полились кровавые слезы, оставляя дорожки вдоль тонких красных вен, похожих на нанесенные клинком порезы.

– Мама... – прошептал ребенок. – Она обещала, что позовет меня, сыграв нашу мелодию. Когда я услышал музыку... она была неправильной. Совсем неправильной. Я думал, она забыла, – он уставился на Зоту своими незрячими глазами, будто бы на самом деле видел его. Лицо мальчика исказилось от гнева. – Что ты с ней сделал?

– Если твоя мать была в лагере, сейчас она уже с богами, – ответил Зота, вспомнив обезглавленный труп женщины в яме. Он не видел смысла смягчать правду и давать мальчику призрачные надежды. – И она, и все остальные встретили свой рок задолго до того, как я их нашел.

– Боги рассказали мне об этом, – тихо проговорил мальчик, – но я не хотел им верить.

– Та злая сила, что убила их, исчезла. Она больше не побеспокоит тебя.

– Нет, – ответил мальчик. – Демон, что напал на нас, все еще где-то рядом. Люди из нашего лагеря спрятали меня на дереве и отпустили зверей, чтобы запутать его, но когда он поймет, что я не с ними, он снова придет за мной. Мама сказала, что он будет преследовать нас, пока не убьет обоих.

– Демоны этих мест убивают всех без разбора. Они не преследуют путников неделями. А теперь назови мне свое имя. Откуда ты родом? У тебя есть родственники в Горгорре?

– Ты мне не веришь, – сказал ребенок. Остальные вопросы Зоты он пропустил мимо ушей.

Тем вечером, когда Зота разбил лагерь на ночь, мальчик свернулся калачиком возле костра, прижав флейту к груди. Упрямство мальчишки вызывало у монаха чуть ли не бешенство, однако Зота уже не в первый раз задался вопросом – с какой целью боги свели их вместе? Не для того ли, чтобы он защитил этого ребенка? Он был беспомощен... одинок... его мучил страх.

– Люди, которых ты встретишь, попытаются своими слезами и печалью увести тебя с пути исполнения своего долга. Ты должен быть мудрее их. Не сходи со своего пути, – предупреждал его Акиев.

Зоте пришлось признать, что в словах Акиева был здравый смысл. Его задачей было восстановление равновесия в Горгорре, а не забота о сиротах. Но он не мог заставить себя бросить мальчика.

Зота провел пальцами по выгравированным на посохе текстам уроков; рука его остановилась на глубокой зарубке, находившейся примерно посередине. Своей уродливостью она омрачала красоту и гармонию аккуратно вырезанных монахом слов, однако Акиев запретил Зоте чинить посох, дабы тот не забыл о значении этой зарубки.

– Твое оружие сильно настолько, насколько силен твой дух, – сказал ему Акиев в тот день. Монахи стремились к совершенству тела и разума, превращая их в инструменты божественного правосудия. Мечи, посохи и прочее оружие были, в общем-то, не нужны. Однако тренировки с различным оружием расценивались в ордене как еще один способ развить боевое мастерство. Монахи часто выбирали определенный вид оружия, используя его как своеобразное продолжение своего идеально сбалансированного духа и посредством этого фокусируя свои

атаки. Акиев был одним из приверженцев этого подхода, и за прошедшие годы он потратил немало времени, обучая Зоту своей философии обращения с оружием.

– Невежды сочтут твой посох простой деревянной палкой, которую легко сломать, – продолжал Акиев. – Однако он расколется лишь тогда, когда тебя одолеют сомнения, но пока ты следуешь пути долга, этого не случится.

Зота и его учитель встретились на одной из окруженных стенами тренировочных площадок монастыря для очередного урока: спарринга с использованием настоящего оружия. Дни занятий с использованием тупых мечей и полых посохов подошли к концу.

Младший монах был исполнен уверенности в себе, однако вся эта уверенность улетучилась, стоило Акиеву обнажить свой ятаган. Его меч не отличался вычурностью, на нем было не найти украшений, однако Зота прекрасно понимал – этот меч никак нельзя было назвать «обыкновенным». Непреклонный выковал его собственными руками, месяцами снова и снова оборачивая сталь вокруг лезвия. Каждое утро он возносил молитву покровительствующему ему божеству – Заиму, богу гор, чтобы придать клинку неодолимую мощь. Ятаган этот резал и камень, и стальную броню, как нож – масло.

– Оружие – лишь украшение, – произнес Акиев, увидев страх в глазах Зоты. – Патриархи полагают, что мой клинок ничем не лучше твоего посоха. Ты сомневаешься в их божественной мудрости?

– Нет, – ответил Зота, стараясь, чтобы его голос прозвучал так, будто он и правда верит этим словам.

И тренировка началась. Когда первый удар Акиева обрушился на младшего монаха, Зотой овладели сомнения и неуверенность. Перед собой он видел не клинок, но человека, вооруженного этим клинком – человека, который во всем его превосходил и никогда не отступал от порученного задания, каким бы тяжелым и сложным оно ни было.

Ятаган вонзился в посох Зоты, заставив того упасть на колени. Его учитель высвободил лезвие и взревел от ярости: – Бестолочь! Я мог бы тебя убить. Ты позволил своим страхам управлять тобой.

Акиев с отвращением посмотрел на зеленый, синий и белый кушаки, опоясывавшие Зоту. – В тебе слишком много от рек... Я вижу в тебе то тишину и спокойствие, то бурные стремнины.

Цвета одежды Зоты соответствовали цветам Имиля, бога рек. Это божество связывали с эмоциями, интуицией и дарующими жизнь свойствами воды. Однако некоторые монахи – и особенно Акиев – считали, что Имиль был капризным и нерешительным богом. Зота выбрал этого бога своим покровителем, и именно поэтому патриархи назначили Акиева его учителем. Они рассчитывали, что твердость и жесткость, свойственная старшему монаху, поможет младшему избавиться от природной нерешительности... и наоборот.

– Задания наши просты. Приказы – ясны. Зачем ты усложняешь их неуверенностью и сомнениями? – спросил Акиев, осматривая зарубку на посохе Зоты. – Вот к чему приводит непослушание. Вот что случается, когда ты уходишь с пути долга. И на сильном ветру ломается то дерево, что гнется.

Когда Зота, наконец, освободился от воспоминаний о том дне, луна уже была высоко, а кожа на его большом пальце оказалась содранной от постоянного поглаживания зазубренной трещины на посохе. Мальчик все еще спал. Увидев ребенка, Зота ощутил, как его захлестывает гнев. Он жалел о том, что вообще наткнулся на этого мальчика.

Он ничего не значит, сказал себе Зота. Прошлые сироты, как и тайны, окружавшие бойню в лагере, лишь отвлекали его от выполнения долга. И на исходе ночи монах принял решение. На юге от его нынешней стоянки располагалось несколько деревень. Если эти деревни окажутся целыми, он найдет кого-нибудь, кто присмотрит за ребенком.

Если же деревни опустели и в течение трех дней не удастся найти безопасного прибежища, ему останется лишь даровать мальчику покой.

Зота стоял в луче света, что пронзал полог леса, купаясь в очищающем свете зари. Он привстал на цыпочки, высоко подняв руки и опустив голову так, что его подбородок касался груди. В этой позе он простоял с закрытыми глазами более десяти минут, беззвучно повторяя про себя мантры, предназначенные для придания разуму ясности.

Его утренние медитации были единственным подобием отдыха, что он себе позволял. За последние несколько недель он почти не спал, передвигаясь днем, а по ночам предаваясь внимательному бдению.

Прошло пять дней. Ребенок был все еще жив. Как и опасался монах, деревни, попадавшие им по пути, опустели. С каждым новым днем Зота придумывал новое оправдание тому, почему он еще не отдал мальчика богам. Сегодня, например, он попытался оправдать свою нерешительность, убеждая себя, что недалеко отсюда находилась еще одна деревня.

– Мишка... так меня зовут, – произнес ребенок, нарушив медитацию монаха.

– Зота, – проворчал он в ответ и сосредоточился на своих мантрах.

Спустя некоторое время он услышал непонятный звук... что-то странно приятное, что не могло принадлежать Горгорре. Открыв глаза, он понял – это Мишка извлек из флейты несколько трепетных нот.

Мальчик опустил инструмент. – Ты знаешь «Мошенника с Моховых курганов»?

– Нет, – с раздражением ответил Зота, хотя он прекрасно знал эту детскую песенку, повествующую о необычайных подвигах – именно такую песенку сыграл бы на флейте и он сам, когда был маленьким.

– Это мамина любимая песня... она играла ее, когда мы были в безопасности, – горько улыбнулся Мишка. – Я могу научить тебя ей.

– Это необяза... – начал Зота, но мальчик все равно начал играть.

Монах вздохнул и выпрямился, закончив медитацию.

Пусть играет, если это доставляет ему удовольствие. Скоро все кончится, сказал он себе.

Перед тем как отправиться в дальнейший путь, Зота посадил мальчика себе на спину. Двумя днями ранее ребенок споткнулся о поваленное дерево и чуть не сломал себе руку. С тех пор монах время от времени нес Мишку на себе, чтобы ускорить темп и держать мальчика подальше от подобных неприятностей.

Пока Зота пробирался сквозь густой горный лес, ребенок продолжал играть все ту же мелодию. Зота попробовал не замечать ее, полагая, что мальчику она, наконец, надоест, но даже к закату солнца Мишка продолжал наигрывать на флейте.

И лишь вечером, когда Зота уже разбил новый лагерь, музыка по-настоящему добралась до него. Где-то в глубинах памяти он услышал смех и увидел, как босоногие ребятишки бегают по деревне среди лачуг с соломенными крышами, ни о чем не беспокоясь и не переживая – невинные и не ведающие о хрупком равновесии, сохраняемом в этом мире между порядком и хаосом. Он с некоторым опозданием понял, что вспомнил свое собственное детство.

«На сильном ветру ломается то дерево, что гнется», прозвенели в его голове знакомые слова.

– Хватит! – Зота выхватил у Мишки флейту и спрятал ее под кушаками.

– Я просто хотел, чтобы ты послушал песню, – ответил мальчик, нахмурившись.

– Одного раза было бы достаточно, не тысячи, – прорычал Зота, не успев справиться с раздражением. Заметив, что Мишка виновато опустил голову, монах добавил: – Уже темно, и ты можешь привлечь к нам ненужное внимание.

Слова эти были произнесены как пустая отговорка; спустя полчаса, однако, оказалось, что он был прав.

Ночь пронзили два резких свистка. Зота открыл разум окружающему лесу в поисках нарушителей спокойствия, однако боги, как всегда, не выказывали особой охоты помочь. Вскоре из леса появились двое мужчин, одетые в разномастную, явно повидавшую немало боев броню.

Зота с первого взгляда понял, кто они такие. *Разбойники... наемники... безбожники.*

Они остановились на краю лагеря и обменялись взглядами. Один из них, крупный мужчина с толстыми жилистыми руками, лицо которого от левого уха до подбородка рассекал блестящий в отсветах огня шрам, скользнул свирепым взглядом по Зоте и развернулся, собираясь уйти. Его остановил второй, гладко выбритое красивое лицо которого обрамляли черные, как смола, волосы длиной до плеч. В свете костра его изумрудного цвета глаза жадно мерцали; он пристально смотрел на Мишку.

– Ночь темна, святой человек, – произнес красавчик, отведя, наконец, взгляд.

– Пусть же огонь моего костра защитит и тебя, – ответил Зота, завершая древнюю формулу приветствия. Наказ Акиева – «внимательно наблюдай за путниками, что приходят к твоему костру» – вновь прозвучал в его памяти.

– Что привело вас в глубину этих лесов? – спросил Зота, когда двое бандитов устроились возле костра. Дыхание монаха было размеренным, а лицо – спокойным, однако он продолжал следить за движениями новоприбывших в поисках их слабых мест. Путешественники были вооружены: звероподобный детина – огромным боевым топором, а его спутник – полторным мечом, висевшим у него за спиной.

– То же, что и тебя, – красавчик протянул руки к огню. – Похоже, сил монахов недостаточно, и ваш орден призвал на помощь бойцов со стороны.

Ложь, хотел бросить в ответ Зота, но придержал язык. Сама мысль о том, что Патриархи прибегли бы к помощи разбойников для выполнения своей божественной воли, была кощунством. Эти безбожники поклонялись лишь золоту.

– И когда же Патриархи издали этот указ?

– Не они сами. Один из твоих братьев, которого мы встретили в этих местах. Он рассказал нам о том, что в этих лесах прячется демон. Хитрый маленький щенок, что носит личину слепого ребенка с белыми, как снег, волосами и кожей, – он улыбался, глядя на Мишку. – Впрочем, ты, кажется, уже поймал этого негодника.

Мишка взвился. – Я не демон!

– А почему ты связан? – ухмыльнулся шрамоносец.

– Демон – тот, кто преследует меня. Он убил мою маму и всех остальных, – из глаз Мишки потекла кровь.

– Кровавые слезы... – красавчика передернуло. – Если ты не демон, значит, на тебе лежит проклятие.

– Я не могу с этим ничего поделать. Так было всегда – с тех пор, как я родился. Мама сказала, что только глупцы могут считать это проклятием, – Мишка протянул свои связанные руки в поисках Зоты. – Ты ведь веришь мне, правда?

– Тихо, – ответил Зота. Его охватили страх и неуверенность.

В Горгорре нельзя верить тому, что видишь.

Он был вынужден признать, что нельзя исключать подобную возможность – некий глупец из ордена вполне мог прибегнуть к помощи наемников. И если этот монах считал, что Мишка – демон... неужели все это время мальчик обманывал его?

Нет! Он не первый день наблюдал за ним. Мишка был обычным ребенком, пусть и проклятым богами. Скорее всего, этот другой монах просто поверил слухам о бродящем по окрестным лесам мальчике омерзительной наружности.

– Где этот монах? Я должен поговорить с ним об этом ребенке.

– Ты имеешь в виду... о демоне? – уточнил красавчик. – Последний раз мы его видели на западе. Это он обычно находит нас, а не мы – его.

– Отдай нам этого монстра, – добавил шрамоносец. – Монах пообещал заплатить нам столько золота, сколько этот уродец весит. Нам нужны эти деньги. Мы уже много дней жуем только корни и падаль.

Зота проигнорировал эту реплику. – На запад, говоришь. В таком случае я найду этого монаха.

– Мы пойдем с тобой, – сказал детина, – монах нам должен за наши поиски.

– Ваша работа завершена, – Зота встал и потянул за собой Мишку.

– Как насчет нашей платы? – спросил красавчик.

– Ваша награда – благодарность Патриархов.

Шрамоносец плюнул на землю возле ног Зоты.

Его товарищ вздохнул. – Видишь ли... тут возникает небольшая проблема. Долг и честь – это прекрасно, и тебе и твоим братьям этого может быть достаточно, но не нам.

Зота сделал несколько размеренных вдохов, подавляя гнев. Он уже слишком долго терпел присутствие этих людей. – Именно поэтому подобные тебе живут в разврате и бесчестии.

Шрамоносец ощетинился. Красавчик же лишь рассмеялся; его смех был хриплым и полным презрения и снисходительности. Все еще посмеиваясь, он вытащил из-за спины свой полоторный меч.

– А ты упрям, – сказал он. – Твоя борода куда короче, чем у того монаха. Должно быть, ты еще совсем недавно сосал молоко Патриархов в своей горной лачужке.

Зота оставался неподвижным; каждый мускул его тела превратился в готовую к броску змею. – Достаточно давно, чтобы справиться с двумя безбожниками.

– Двумя? Может быть. А тремя?.. – красавчик свистнул.

В темноте за спиной Зоты раздался характерный шорох – звук пронзающей воздух стрелы со стальным наконечником. Монах резко развернулся и взмахом посоха разломил стрелу напополам менее чем в полуметре от своей груди.

Обернувшись, он увидел, как красавчик погнался за Мишкой вокруг костра. Зота нанес посохом удар в сторону огня. Волна воздуха, порожденная его бо, врезалась прямо в очаг, и пылающие поленья градом обрушились на разбойника. Большая их часть отскочила от его брони, но один уголек, скользнув по лицу бандита, глубоко вошел в его правый глаз. Красавчик заорал в агонии; огонь охватил его волосы.

Здоровенный детина прыгнул через очаг и неуклюже двинулся на Зоту, заноса над головой топор. Монах стоял на месте, не двигаясь, пока тот не замахнулся своим исполинским оружием. В последний момент Зота сделал шаг в сторону, и топор его противника вонзился в землю. Монах нанес резкие удары посохом по предплечьям бандита, и они буквально взорвались, подобно полным вина глиняным сосудам, фонтанируя кровью и осколками костей.

За спиной Зоты едва различимо прозвучал звон тетивы, и он резко нырнул в сторону; стрела пронеслась мимо его плеча и вонзилась в грудь шрамонольца. Неизвестный нападавший выругался, и из лесной темноты прозвучали его шаги – тот уходил глубже в лес, подальше от лагеря.

Зота огляделся. Красавчик был мертв; его лицо и шея превратились в жуткую смесь крови и ожогов. Мальчика, однако, он не увидел.

– Мишка?.. – позвал Зота. По его спине пробежал холодок страха.

– Я тут, – ответил ребенок, выбираясь из-под поваленного дерева. – Они соврали. Их послал де...

– Тихо! – прорычал Зота.

В его голове роились десятки мыслей. Он почти наяву услышал, как Акиев отчитывает его. – *Все это было лишь уловкой, чтобы заставить тебя врасплох. Неужели ты был настолько глуп и не понял этого?*

– Почему ты мне не веришь? – спросил Мишка. Он потянулся к Зоте и сжал его руку в ладонях.

В невинном ребенке, что стоял сейчас перед ним и которого Зота несколько дней назад решил убить, он видел воплощение своеобразной иронии. И он понял, насколько же сильно Мишка напоминал ему его самого в детстве – полного доверчивости, надежд и всех тех прочих чувств, что Непреклонный презирал в людях. Эти детские чувства, которые, как думал Зота, были им на корню уничтожены и раздавлены в процессе тренировок, казались трясинной, болотом, препятствиями на пути исполнения монашеского долга.

Эти чувства никуда не делись. Они открыли ему истину, которую было очень трудно принять: Мишка *действительно* был всего лишь мальчиком – одиноким, слепым, напуганным, ищущим того, кто помог бы ему пройти сквозь тьму Горгорры. Они встретились не просто так; Зота чувствовал здесь руку бога судьбы.

– Расскажи мне правду, – попросил монах. – Что это за демон? Почему он преследует тебя?

Мальчик в нерешительности прикусил губу, но все-таки ответил. – Его послал мой отец.

– Что же заставило этого человека так поступить?

– Мой отец... он не *простой* человек, – застенчиво пробормотал Мишка.

И он рассказал Зоте о своем прошлом.

На Горгорру опустился густой туман, рассеивавший свет полуденного солнца и окрасивший лес в тона упадка и разложения. Зота не первый час нес Мишку на спине, направляясь на запад от лагеря; он выписывал по лесу круги в надежде найти монаха, о котором говорили безбожники. И уже не первый раз Зота обзывал себя глупцом за то, что принял их слова за чистую монету.

Тем не менее, он продолжал свой путь. Если кто-то из его ордена действительно находился поблизости, Зота должен был найти его и рассказать правду о Мишке. Мальчик долго рассказывал Зоте о своем прошлом; закончил он уже глубокой ночью... и его история звучала настолько кошунственно, что монах почувствовал себя оскверненным, даже просто слушая ее. Чем больше он думал об этом, тем более неправдоподобными казались ему слова Мишки. *И как же ты собираешься убедить другого монаха в правдивости этой истории?*

Он заставил голос сомнения замолчать и продолжил путь. За час до того, как туман рассеялся, Зота, вступив на небольшую полянку, почувствовал запах ладана. Поначалу этот запах был совсем слабым – аромат, что разительно отличался от окружающих его все это время влажных и приземленных запахов леса. Он не сразу выделил в нем примеси кровавой розы и нефритового куста, но узнав их, замер на месте.

Зота хорошо знал этот запах.

– Что случилось? – прошептал Мишка.

Монах не ответил. Он не мог. Его тело обратилось в камень. Он знал этот запах так же хорошо, как и свое собственное имя. Это был запах ладана Акиева, и он сталкивался с этим ароматом каждый день, пока учился в монастыре.

Он почувствовал себя маленьким и слабым... тем мальчиком, которым он был до того, как Акиев убил в нем эту часть его самого... или, по крайней мере, попытался убить.

Утром того дня, когда Зота впервые встретил Акиева, воздух был чист и прозрачен. На восходе Непреклонный вызвал его на одну из монастырских террас. Зота слышал множество рассказов о прославленной силе своего учителя и не мог дожидаться, когда же, наконец, он встретится с Непреклонным и сможет начать свое обучение.

Однако в тот день ему было суждено лишиться всех своих иллюзий, узнать, что Непреклонный был в ордене чем-то странным, необычным; тем человеком, который был готов пойти на что угодно, лишь бы исполнить данный ему приказ. Его сила и решимость были под стать его фанатизму и бескомпромиссности.

– Прыгай, – сказал Акиев, указав на край террасы, служивший вершиной утесу семисотфутовой высоты.

Зота не сразу понял, что Акиев не шутил. И вот тогда его захлестнул страх. Он знал, что последуй он приказу, его ждала смерть... однако некая частица его верила, что он все же в безопасности. Это ощущение происходило вовсе не из его желания слепо следовать приказам; оно родилось где-то глубоко внутри него. Однако Зота все-таки счел это ощущение признаком собственного безумия.

Когда учитель схватил его за шею и потащил к краю утеса, Зота взмолился о пощаде. Непреклонный ответил на мольбы, швырнув его в бездну. Зота закрыл глаза в ожидании смерти – и врезался в скальный выступ в нескольких футах ниже. Выступ, которого там раньше не было.

Тогда он еще не знал о тайнах монастыря: о стенах, которые не были стенами, лестницах, не являвшихся лестницами, и многих других фокусах и иллюзиях, задачей которых было заставить новичков постоянно быть начеку.

Акиев затащил упавшего на уступ Зоту обратно наверх. Юношу била крупная дрожь. – Ты трепещешь подобно листьям на ветру, – упрекнул его учитель. – Ты раб страха. И поэтому ты никогда не станешь монахом. Ты лишь напуганный мальчик, которому нет места в нашем ордене.

Когда же Зота набрался храбрости поднять на Акиева глаза, Непреклонный продолжил: – Ты должен сделать выбор. Тот ли ты мальчик или же ты монах?

– Я не тот мальчик, – ответил Зота, вытирая слезы.

– Да будет так. Но если когда-либо тот мальчик вновь явит себя, уступа, что его спасет, уже не будет.

Зота потряс головой, прогоняя захватившие его воспоминания. В тот день он не прислушался к своей интуиции. И не в последний раз. Многие годы Непреклонный неустанно подавлял в своем ученике стремление доверять инстинктам и интуиции в сложных ситуациях. Акиева не волновало, насколько точны были предчувствия Зоты. Он считал, что подобная зависимость от собственных суждений может поставить под угрозу способность безоговорочно повиноваться приказам Патриархов и воплощать их божественную волю в жизнь.

– Что случилось? – спросил Мишка, слезая со спины Зоты.

– Ничего, – монах почувствовал, как им овладевает беспокойство. Если бы речь шла о каком-либо другом монахе, возможно, Зоте удалось бы убедить того в невинности Мишки. Но не Акиева. Не Непреклонного.

Зота уже подумывал сбежать из этой части леса, но его учитель нашел их раньше, чем молодой монах попытался осуществить свое намерение. Акиев появился из-за огромной сосны, ведя на поводу вьючного зверя, нагруженного разномастными кожаными сумками. Старший монах выглядел как обычно – спокойным и собранным; в его черной бороде не было видно ни единого седого волоска. На его лбу ярко, будто их нанесли вчера, а не многие годы назад, горели кольца порядка и хаоса.

– Зота, – произнес Акиев. Он мельком взглянул на Мишку; на его лице, однако, нельзя было найти ни малейших признаков удивления.

– Учитель, – Зота сложил ладони вместе и низко поклонился.

Старший монах сделал несколько медленных, размеренных шагов и теперь стоял прямо перед своим бывшим учеником. Зота был на голову выше своего учителя, однако сейчас он ощущал себя так, будто стоял перед гигантом.

– Я полагал, что ты еще не готов, но, похоже, я ошибался, – Акиев перевел взгляд на Мишку. – Ты добился успеха там, где потерпел неудачу даже я. Воистину неисповедимы пути богов.

Зота почувствовал, как его переполняет гордость. Акиев до этого момента ни разу его не хвалил. Что бы он ни делал, учитель всегда находил повод придраться. За время, проведенное в монастыре, Зота не раз был свидетелем того, как другие монахи устанавливают со своими учениками отношения, основанные на взаимном уважении. Если ученик допускал ошибку, далеко не всегда за этим следовало наказание – часто ему просто показывали верный путь. С Акиевым, однако, такого не бывало. Зота боролся с опьяняющим эффектом столь редко звучавшей похвалы учителя, напоминая себе о ребенке.

– Ты ищешь демона, но этот мальчик... – начал было Зота, но учитель его перебил.

– ...не мальчик. В Горгорре нельзя верить тому, что видишь. Посмотри, что произошло с этим святым местом. Равновесие утрачено. Это, Зота, тот самый момент, для которого мы тренируемся и учимся в течение всей жизни.

Акиев понизил голос до шепота и указал на Мишку. – Боги порядка в беспорядке. Это чудовище, носящее личину ребенка, лишь еще раз доказывает плачевное состояние равновесия в мире.

Пока монахи разговаривали, мальчик хранил нетипичное для него молчание, и Зота, посмотрев на него, понял, что того сковал ужас. Из глаз ребенка текла кровь, а тело била крупная дрожь.

– *Это демон!* – внезапно завизжал Мишка. – Демон!

– Видишь? – спокойно произнес Акиев. – Это убожество прибегнет к любой лжи, лишь бы скрыть свой истинный облик.

Мерзость. Абсурдность рассказа Мишки тяжким грузом лежала на плечах Зоты. Он знал, что должен действовать быстро, не дав сомнениям овладеть собой. Очистив от них свой разум, он пересказал историю, поведенную ребенком...

Прошлым вечером Мишка признался, что был сыном наложницы одного из Патриархов. Из-за уродства мальчика отец подумывал его убить, но мать убедила Патриарха запрятать ребенка в одной из самых удаленных комнат ивгородского дворца. Там Мишка и прожил несколько одиноких лет, пока небо над городом не прорезал небесный огонь. Когда до Ивгорода дошли рассказы о темных, нечистых силах, постепенно захватывавших Горгорру и другие области, в

королевстве поселились страх и безумие. В народе, напуганном слухами, нарастало напряжение; все ждали от Патриархов ответов... и спасения.

Патриархи были гласом самих богов и образцом праведности. Если один из них произвел на свет ребенка вроде Мишки, на это смотрели бы, в лучшем случае, как на дурное предзнаменование. В эти же мрачные и зловещие времена появление этого мальчика непременно бросило бы тень на чистоту самого Патриарха. По этой причине, как предполагал Зота, святой властитель и решил, наконец, предать своего сына смерти. Лишь благодаря своей матери и нескольким верным слугам Мишке удалось избежать этой участи, и его увезли из Ивгорода глубоко в сердце Горгорры.

Когда Зота закончил рассказ, Акиев долго смотрел на него, не споря и никак не комментируя услышанное. Наконец, он сказал: – Все это – лишь ложь, которой тебя отравил демон.

– Я понимаю, это трудно себе представить, но я верю, что он невинен.

– Ты *веришь*? Поклянешься ли ты своей честью брата нашего ордена, что этот рассказ – правда?

– Да, – ответил Зота, но его голосу не хватало убежденности.

Акиев опустил голову и сделал глубокий вдох. – Значит, я ошибался.

– Все именно так, как ты и говорил. В Горгорре нельзя верить...

Акиев оборвал его ударом с разворота, пришедшимся в грудь Зоты и вышибшим воздух из его легких.

В глазах у младшего монаха почернело, и в его голове раздался звон. Где-то за этим гулом он слышал визг Мишки. Когда к Зоте вернулось зрение, он увидел, что Акиев нависает над ним, ухватив ребенка за волосы.

– Я ошибался в тебе, – Акиев будто выплюнул эти слова. – Как ты мог настолько уклониться с пути? Об этом демоне и его хитростях рассказал мне один из Патриархов! Кто ты такой, чтобы ставить под сомнения его слова?

Зота, уперев посох в землю, пытался подняться на ноги, когда до него дошел смысл слов Непреклонного. *Один из патриархов приказал ему убить демона. Знают ли остальные восемь об этом задании?*

– Убей это создание, – приказал Непреклонный, – и твои прегрешения будут прощены.

Желание подчиниться навалилось на Зоту тяжелым грузом. Он столько времени жил, следуя урокам своего учителя, что сейчас, бросая им вызов, почувствовал себя почти больным. Однако глубоко в душе Зоты тихий голос призывал его поступить именно так, как он собирался; интуиция, вспышка предвидения – то, что Акиев учил его подавлять в себе все годы обучения. Это предвидение отрицало все то, что, как его учили, было верным и правильным, но при этом оно пылало необъяснимым ярким светом истины.

– Нет... Он не демон... – сумел выдать Зота сквозь собственные хриплые вдохи.

Его учитель вздохнул. – Я надеялся, что ты станешь сильнее и справишься со своими слабостями. Но ты все еще мальчик. И винить в твоих неудачах я могу лишь самого себя.

– Боги, как ты и сказал, обеспокоены, – Зота взял в себя в руки, готовясь произнести богохульство.
– Патриарх, отправивший тебя на это задание, уже не заботится о поддержании равновесия, – продолжил он. – Если и существует демон, которого ты ищешь, он все еще рыщет где-то.

Акиев ударил Зоту коленом в живот, и тот рухнул на землю. Он посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы заметить, как свободная рука его учителя рванулась вперед. Лоб Зоты пронзила боль. Что-то теплое и мокрое потекло ему в глаза и нос. Когда Акиев убрал руку и стряхнул с нее окровавленный клочок кожи, Зота понял, что он только что лишился своей татуировки с кольцами порядка и хаоса.

– Ты не имеешь права носить эти святые символы! Ты не монах... Нет. Немедленно отправляйся в монастырь и жди моего возвращения. Я сообщу Патриарху о твоём святотатстве.

Непреклонный ушел, таща за собой Мишку. Зота поднялся, сгорая от стыда. Вырезанные на посохе слова уроков и описания неудач, казалось, жгли его руки, когда он касался их.

Гнев и ярость жарким огнем вспыхнули в его венах. Он вспомнил, как Акиев одерживал над ним верх во время тренировок, как он хотел поверить в собственные силы, а учитель снова и снова унижал его.

Он бросился на Акиева, резко сокращая расстояние между ними, и хлестнул учителя по шее своим бо. Удар заставил руки Зоты содрогнуться, будто он нанес его по гранитной скале. Посох прогнулся, и по всей его длине пробежала трещина.

Акиев слегка пошатнулся, и Мишке удалось вывернуться из его хватки.

– Спрячься, как учила тебя мать! – проревел Зота. – И не выходи, пока не услышишь ее песню! Мишка поковылял в глубь леса. Зота знал, что один он далеко не уйдет.

Однако Акиев купился на эту уловку. Он обнажил ятаган и бросился в погоню; клинок его тускло сверкал в лесном полумраке. Зота нанес посохом удар, целясь в грудь Непреклонного. Акиев с легкостью парировал его атаку и молниеносным движением взмахнул мечом, выписав лезвием низкую дугу. Зота оттолкнулся ногой от дерева, что было у него за спиной, и в кувырке перелетел через своего учителя.

Клинок Непреклонного прошел сквозь ствол дерева, как нож сквозь масло, и высоченная сосна начала падать на полянку, прямо на вьючного зверя. Животное громко фыркнуло и рванулось вперед; ветви дерева царапали зверя по спине, срывая с нее сумки. Когда сосна с громоподобным звуком рухнула на землю, Зота вздрогнул.

Вещи Акиева рассыпались по сторонам. Самая большая сумка порвалась, и из нее в соль и траву выкатилось нечто бледное и истлевшее, с тонкими нитями черных волос.

Женская голова. Рот ее был широко раскрыт в неслышном крике.

Все фрагменты головоломки встали на свои места. Уничтоженный караван. Обезглавленный труп. Демон.

Зота посмотрел на Акиева, не желая в это поверить. Учитель был, возможно, самым жестоким и суровым из монахов, но Зота не предполагал, что Акиев может быть убийцей.

Он не мог себе представить, что Патриархи одобрили бы резню, учиненную над караваном, какими бы ни были обстоятельства. Нет. Все это было неправильно. Теперь он ясно понял: отец Мишки был одним из тех Патриархов, что служили хаосу, и что он действовал без согласования с другими правителями. Возможно, именно поэтому он выбрал для этого задания Акиева – человека, который без колебаний подчинится любому приказу.

Акиев даже не посмотрел на голову. Его ятаган точно и глубоко вошел в левый бицепс Зоты и рассек мускулы в руке младшего монаха. Рука Зоты ослабела, и он сделал несколько шагов назад, прочь от Непреклонного, прежде чем вновь собраться с силами.

Зота ухватил посох одной рукой и махнул им в направлении головы Акиева, проводя ложный выпад, а затем пнул противника в низ живота. Акиев поймал его за лодыжку и швырнул на поваленное дерево.

Когда учитель прыгнул вперед, занося ятаган, Зота не успел откатиться в сторону. Клинок опустился вниз, и Зота выставил перед собой посох, зажатый в правой руке, пытаясь отразить удар, но внезапно почувствовал себя беспомощным перед легендарным воином, противостоявшим ему. Зоту вновь охватили сомнения, как часто случалось во время обучения. Меч Непреклонного расщепил посох, однако младшему монаху все-таки удалось отклонить удар. Ятаган Акиева наискосок скользнул по груди Зоты, оставив неглубокую рану.

Зота попытался подняться, опершись на здоровую руку, но упал обратно на землю, подавленный болью и поражением.

– Ты сражался без грации и без решимости, как я и ожидал, – констатировал Акиев.

– Ты знаешь, что мальчик – не демон, – с трудом ответил ему Зота.

– Я знаю то, что мне сказал Патриарх. Я не сомневаюсь в его словах.

– Караван... ты убил их.

– Я исполнил свой долг.

– И ради исполнения долга ты нанял безбожников? Убил невинных людей?

– Разбойники были лишь инструментом, как и я сам – лишь инструмент богов. Если бы они нашли демона, я свершил бы правосудие и отправил бы их к богам. Что же до остальных... они приютили чудовище. А когда я спросил, куда оно убежало, они прокляли Патриархов. Путники сдохли как паршивые псы, которыми они и были.

Акиев указал на отрезанную голову. – Вот это принадлежало демонице. Я взял эту голову с собой как доказательство ее смерти. Она была рабом ребенка-демона. Шлюха, которую чудовище посылало в деревни, чтобы выманивать оттуда новых жертв.

– Ложь, – сказал Зота. – Его отец, Патриарх, решился на убийство, пойдя на поводу у собственных страхов. Он уверен, что простые люди сочтут его запятанным, возможно, даже восстанут против него, если узнают, что у него родился уродец. Преследуя свои собственные цели, он забыл о равновесии.

– Ты никогда не поймешь, что значит следовать долгу, – возразил Акиев. – Ты осуждаешь мои действия с точки зрения человека, а ведь они были продиктованы мне богами. Ты даже не еретик. Ты пятно на моей чести... и чести всего нашего ордена. Я отдам тебя богам, дабы они судили тебя.

– Ты знаешь, что он простой мальчик, не так ли? Но ты решил предать истину, – сказал Зота, наблюдая за тем, как Непреклонный заносит ятаган. В глазах его учителя вспыхнула искра неуверенности – вспыхнула и погасла.

Акиев, однако, все-таки взмахнул клинком. Время, казалось, замедлилось, когда сталь рванулась вниз... ниже... ниже. Внезапно Зота с ясностью осознал, что это не он испытал колебания, а Акиев. Непреклонный в своей слабости склонился перед наступающим хаосом и закрыл глаза, не желая увидеть истину.

Зота вознес молитву молчаливым богам, окружавшим его, прося у них сил. Он знал: если в Горгорре и оставалось еще что-то невинное – это был Мишка. Зота сосредоточился на этой мысли, напомнив себе, что действует, опираясь на законы равновесия. Он успокоил в себе страх и боль, концентрируя внимание на поверхности правой ладони и придавая ей сил, а затем резко поднял руку вверх, чтобы поймать клинок.

Ятаган Непреклонного ударился о его ладонь. Вес меча был подобен рухнувшей горе. Но кромка клинка не прошла сквозь кожу Зоты. Он не уступил, как Акиев. Он не сломился.

– Он всего лишь мальчик, – выдавил сквозь зубы Зота, сжимая клинок в кулаке. – Ты все еще можешь поступить правильно!

– *Молчать!* – взревел старший монах. Лоб его покрылся каплями пота; он попытался вырвать ятаган из хватки Зоты. Поняв, что из этого ничего не выйдет, Непреклонный подался вперед, всем весом стараясь вдавить лезвие в руку своего ученика.

Я не уступлю. Я не сломаюсь.

Зота издал дикий рев и резко вывернул запястье. Меч Акиева переломился, как сухая ветка, и старший монах покачнулся, потеряв равновесие. Зота перевернул сломанный клинок, что сжимал в руке, и выбросил его по дуге вверх. Лезвие рассекло шею учителя Зоты так аккуратно, что голова его оставалась на плечах до тех пор, пока тело не рухнуло наземь.

Позже Зота не смог вспомнить, сколько времени он провел, лежа на спине и глядя в небо. Его разум был чист, подобно безоблачному небу над пологом леса. Не смог он вспомнить и то, как забинтовал свои раны, произнося исцеляющие мантры, и как с трудом, пока восстанавливалась чувствительность в его левой руке, соорудил погребальный костер, чтобы предать очищению тело Акиева. Первое, что он вспомнил – как он поднес к губам флейту. Он боялся, что не сможет восстановить в памяти мелодию, которую играл когда-то в детстве.

Но, видимо, мелодия оказалась правильной – Мишка выбрался на полянку.

– Зота? – кротко спросил он.

– Я здесь.

Мишка сориентировался по звуку его голоса и встал рядом.

– Демон...

– Он не был демоном, но он мертв, – ответил Зота.

Он развязал кушак, которым были связаны руки Мишки, и отвел мальчика к голове его матери. Зота хотел дать Мишке возможность попрощаться с ней, прежде чем отдать ее богам. Но ребенок ответил: – Нет... Не нужно. У меня есть песня.

Покончив со всеми этими делами, Зота задумался, куда теперь податься. Он не знал, как отреагирует Патриарх, если Акиев не вернется с доказательствами смерти Мишки. Однако Зота понимал, что практически невозможно было найти другого монаха, подобного Непреклонному, который бы без возражений шел на жестокость и бессмысленные убийства, идущие вразрез с самой сущностью равновесия.

Несмотря на ужасные вещи, о которых он узнал в этом путешествии, его утешило то, что и Акиев, и Патриарх отклонились от правильного пути. Как и состояние дел в самой Горгорре, они свидетельствовали о наступивших для мира тревожных временах и ошибках, которые можно было исправить. Другие монахи, благородные воины, которые никогда не ступили бы на путь, по которому прошел Акиев, рисковали собственными жизнями, сражаясь с наступающими силами хаоса. Они, как и Зота, не забыли о принципах праведности, на которых был основан монашеский орден.

Зота взял Мишку за руку и повел его с полянки, направляясь на север, в Ивгород. Он собирался рассказать обо всем, что произошло, монахам своего ордена. Никогда прежде путь не был настолько ясен для него, и впервые в жизни он чувствовал, что по-настоящему понимает, что же такое быть монахом.